

Памятники индийской письменности в тангутском государстве, XI–XIII вв.

Статья посвящена рассмотрению проблем распространения и бытования санскритских буддийских текстов и индийских письменностей в тангутском государстве Си Ся («Западное Ся») (X–XIII вв.), располагавшегося на территории современных провинций Шэнси и Ганьсу (КНР). В статье рассматривается история кросскультурного взаимодействия тангутов с соседними регионами – Тибетом и, главным образом, Китаем. Также в статье указаны причины укоренения буддизма в Си Ся. Отдельно рассматривается распространение тантрических текстов буддийской Ваджраяны («Алмазной колесницы»), весьма популярных в тангутском государстве. Кратко освещена проблема передачи санскрита средствами иероглифики при письменной фиксации буддийских заклинаний-дхарани. Анализируются бытовавшие на уровне простонародных форм буддизма буддийские заклинания, оказавшие существенное влияние на повседневную культуру регионов Центральной Азии.

Ключевые слова: индийская письменная культура, буддизм, тангуты, Ваджраяна, заклинания-дхарани

Safarali H. Shomakhmadov

The Indian writing culture in the Tangut state, 11–13 century

The article is devoted to the analysis of problems of the development and the existing of Sanskrit Buddhist texts and Indian scripts in the Tangut state Xi Xia (Western Xia) (10–12 century) that was situated in the territory of modern Chinese provinces Shanxi and Gansu (PRC). The author considers shortly the history of cross-cultural relationships among Tanguts and neighborhood regions – Tibet and, mainly, China. The article also states the reasons for establishment of Buddhism in Xi Xia. The Vajrayāna («The Diamond Vehicle») Buddhist texts, very popular in the Tangut State, are considered separately. The problem of the transmission of Sanskrit by means of hieroglyphics in the writing of the Buddhist invocation-dhāraṇi are presented briefly. The article analyses the Buddhist invocations of the vulgar forms of popular Buddhism that have influenced significantly on the everyday culture of Xi Xia.

Keywords: Indian written culture, Buddhism, Tanguts, Vajrayāna, invocations-dhāraṇi

Сведения о бытовании индийских письменных памятников на территории тангутского государства Си Ся (Западное Ся) весьма скудны. Завоевав независимость от Сунского Китая в конце X в., тангуты активно взаимодействовали – воевали и торговали – с соседями – киданями – чжурчженями (Цзинь), китайской империей Сун, пока в начале XIII в. Западное Ся не было уничтожено войсками Чингизхана. Настоящим открытием забытой культуры тангутов явилось обнаружение весной 1908 г. «мертвого города» Хара-Хото – северного аванпоста Си Ся. Первенство обнаружения «Черного города» (так переводится название города) принадлежит участникам российской Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909) под руководством П. К. Козлова (1863–1935). Спустя год после обнаружения участники экспедиции приступили к раскопкам одной из достопримечательностей Хара-Хото – «знаменитого субургана»¹, где и были обнаружены артефакты забытой культуры тангутов: статуи и многочисленные рукописи и ксилографы на китайском, тангутском, санскрите. Предполагается, что раскопанный субурган –

место захоронения тангутской императрицы Ло, покровительствовавшей буддизму в XII–XIII вв. Обнаруженные рукописи и ксилографы, по всей видимости, составляли личную библиотеку императрицы, на склоне лет принявшей монашеский сан.

В культуре тангутов отчетливо прослеживается влияние двух крупных соседей Западной Ся – Тибета и Китая. В частности, воздействие этих двух значимых культурных центров Центральной и Восточной Азии тангутское государство особенно заметно при изучении государственно идеологии Си Ся – буддизма. Сложно однозначно ответить на вопрос о первых контактах тангутов с индийской цивилизацией в целом и буддийскими миссионерами в частности. Но уже в X в. известно о знаменитых пещерных храмах Дуньхуана – одном из центров буддизма в Си Ся. Расцвет буддизма в государстве тангутов приходится на XI–XII вв. На этот период приходится интенсивный культурный обмен между империей Сун и Си Ся. Из Китая экспортируется большое количество буддийской литературы, в меньшем объеме –

даосские (трактаты по медицине, гаданию, календари) и конфуцианские тексты. Появление переводов канонических буддийских текстов на тангутский язык можно отнести к середине XII в.² По выражению известного япониста и синолога, основоположника изучения тангутского языка Н. А. Невского (1892–1937), тангутские правители, покровительствовавшие буддизму, мыслились в рамках официальной идеологии не иначе, как «гуманные цари-бодхисаттвы» или даже «будды – сыны Неба»³. Оба эпитета, по всей вероятности, восходят еще к титулатуре знаменитого правителя У-ди, основателя династии Лян (VI в.), первого их китайских правителей, принявших буддизм (согласно легендарной традиции чань-буддизма, именно У-ди был первым китайским правителем, принявшим Бодхидхарму – основателя школы чань). Так, среди властных эпитетов У-ди значились такие, как **хуанди-пуса** («император-бодхисаттва») и **пуса-тяньцзы** («бодхисаттва – сын Неба»). Такая «преемственность» в титулатуре правителей, без сомнений, свидетельствует о весьма существенном влиянии именно китайской буддийской традиции на духовную культуру тангутов. Поэтому чуть позже мы с необходимостью подробнее остановимся на рассмотрении истории распространения индийской письменности в Китае.

Принадлежа к тибето-бирманской языковой группе, в плане географического положения в буквальном смысле находясь между конфуцианским Китаем и буддийским Тибетом, тангуты, как упоминалось выше, испытывали сильное влияние обеих культур. Подражая тибетским правителям, тангутские императоры активно насаждали буддизм среди своих подданных, однако, в конце концов, выбор был сделан в пользу Китая, где буддизм находился под полным контролем государства, оставаясь лишь религиозной идеологией⁴. Но, несмотря на «китаизацию» буддизма Си Ся, влияние тибетского буддизма на религиозную культуру тангутов было существенным.

Буддийские тексты, сохранившиеся в Хара-Хото, позволяют реконструировать основной репертуар буддийской литературы Западной Ся. Данный круг памятников индийской письменной культуры являлся более-менее общим для многих регионов Центральной Азии. Так, в тангутском государстве особой популярностью пользовались Лotosовая сутра, тексты так называемого Праджняпарамитского цикла (Алмазная сутра, Праджняпарамита-хридая сутра и др.), сутры, посвященные персонажам махаянского «пантеона» – бодхисаттвам Авалокитешваре (кит. Гуаньинь), Майтрейе, Амитабхе. Также многочисленным среди буддийской литературы Си Ся было собрание текстов, относящихся

к тантрическому направлению в буддизме – Ваджраяне («Алмазной колеснице»). Данную часть буддийских текстов составили сутры, различные своды заклинаний-дхарани, разного рода «служебники», позволяющие реконструировать функционирование буддизма (в частности, его тантрического направления) на уровне религиозной (ритуальной) практики, а также бытование протонародных форм буддизма в повседневной культуре тангутов.

Среди последней группы текстов помимо китайских и тангутских списков буддийских заклинаний немало дхарани, записанных индийским письмом **сиддхам** (сиддхаматрика)⁵. Сиддхам, развившись из письма Гупта, как самостоятельная форма шрифта формируется к VI в. и получает распространение, в первую очередь, на севере Индии. Характерной чертой данного типа письма можно назвать «остроконечность» акшар – знаков, отчего сиддхам называют «заостренным письмом». Наиболее отчетливо такая «заостренность» проявляется в написании нижней правой части знака. Другой характерной чертой данной письменности является клиновидная, треугольная верхняя часть акшары, напоминающая головку гвоздя. Отметим, что уже с самого начала сиддхам формируется как декоративный тип письма (каллиграфическое исполнение сиддхам получило распространение в буддийской традиции Китая и Японии).

Одно из самых ранних описаний письма сиддхам, равно как и других современных ему индийских письменностей, мы находим у Бируни в его «Индии». Так, из сведений, зафиксированных персидским энциклопедистом, следует, что в XI в. сиддхам было распространено на западе (окрестности г. Каннаудж, Мадхьядеша) и северных областях (Кашмир и Варанаси на северо-востоке) Индостана, т. е. на территории, издревле именуемой **Арьяварта**⁶ – «Обитель ариев». Одновременно с ним на востоке Индии используется письмо **нагари** – предшественник деванагари – письма, с которым у большинства людей и ассоциируется индийская письменность, а также **ардханагари**, сочетающее в себе черты нагари и сиддхам. Просуществовав в пределах Индостана приблизительно до середины XIII в., сиддхам постепенно уступает место нагари.

Буддийская письменная культура начинает проникать в различные регионы Центральной Азии с III в. до н. э., когда после Третьего Буддийского Собора, проводившегося в Паталипутре (совр. Патна), буддийские миссионеры отправились на Шри Ланку, в Центральную и Юго-Восточную Азию. Хотан был первым регионом Центральной Азии, воспринявшим индобуд-

дийскую письменную культуру, которая прочно утвердилась там вплоть до исламских завоеваний в XIII вв. Недавние археологические обнаружения в Киргизии существенно расширяют ранее известную территорию распространения индийской письменной культуры в Центральной Азии. В центральных районах Тянь-Шаня киргизские археологи нашли глиняный кувшин, датировка которого может быть обозначена в пределах X – XI вв. (материал по археологической находке готовится к публикации). На кувшине хорошо читается билингва на согдийском языке и письмом сиддхам (предположительно, имя владельца сосуда), причем индийская надпись читается не стандартно – слева направо, а наоборот, справа налево, по правилам согдийского языка, имевшим хождение до VI в. То есть индийская письменность сиддхам, как мы можем видеть, активно использовалась не только в среде буддийского монашества, но и была знакома мирянам и широко применялась в повседневной жизни.

Когда в I в. н. э. буддизм проникает в Китай и начинается работа по переводу буддийских текстов на китайский язык, знание индийских систем письма и санскрита является привилегией узкого круга китайской интеллектуальной элиты, преимущественно из среды буддийских монахов. Но основной целью обретения знаний санскрита и письменностей Индии была возможность максимально адекватного перевода на китайский язык, т. е. сами язык и система письма Индии распространения в Китае не имела до VII в., когда в Поднебесную проникает тантрическое течение буддизма – Ваджраяна («Алмазная колесница»), или Мантраяна («Колесница заклинаний»).

Согласно китайским каноническим источникам, первым миссионером, познакомившим китайцев с текстами буддийской тантры был буддийский монах из Центральной Азии, по имени **Атикута**⁷. Прибыв в древнюю столицу Чанъань в 625 г., Атикута привез с собой двенадцать «томов», содержащих тысячи заклинаний-дхарани, которые он перевел на китайский язык и объединил в трактат, получивший название **Толони цзи цзин** (санскр. Дхарани-санграха; «Собрание заклинаний-дхарани»).

Сложность адаптации записанных на санскрите буддийских заклинаний к китайской религиозной культуре заключалась в серьезной разнице между фонетическими конструкциями санскрита и китайского языка. Индийская тантрическая традиция в целом опирается на представления о божественном происхождении речи, персонификацией которой является богиня **Вач**. Поэтому при совершении ритуалов

исполнитель не имел права ошибиться в произнесении магических формул. Оплошность в этом деле не только нивелировала все усилия отправляющих ритуал, но и могла привести к совершенно противоположному результату – навлечь гнев богов. Таким образом, одной из главных проблем, над решением которой бились последователи Ваджраяны в Китае – создание системы адекватной передачи (записи и воспроизведения) фонетической формы санскритских заклинаний-дхарани средствами иероглифического письма и китайской фонетики.

Становление китайской системы фонетической транскрипции санскритских текстов связано с именем Амогхаваджры – одного из трех (наряду с Шубхакарасимхой и Ваджрабодхи) индийских миссионеров VIII в., заложивших прочные основы китайской Ваджраяны. Согласно одним источникам, Амогхаваджра родился на территории Северной Индии⁸, по другой версии, его родиной был г. Самарканд⁹.

Безусловно, китайские последователи «Алмазной колесницы» пытались фиксировать санскритские заклинания посредством иероглифики и до Амогхаваджры, но данная практика не была лишена множества недостатков. Вклад Амогхаваджры и его учеников состоял в разработке совершенно новой системы фонетической транскрипции, учитывавшей не только отсутствующие в китайской фонетике сочетания нескольких согласных (принцип **эрхэ** – при сочетании двух согласных и **саньхэ** – при сочетании трех согласных), им также была создана система диакритических знаков, указывающих на звонкость гласных, нюансы тональности.

Система фонетической транскрипции, разработанная Амогхаваджрой, сохранилась в китайской буддийской традиции и по сей день. Однако, когда после X в. деятельность по переводу санскритских буддийских текстов на китайский язык постепенно приходит в упадок¹⁰, познания в индийской письменной культуре в Китае также становятся невостребованными. Поэтому при реконструкции «санскритского оригинала» транскрибированных иероглификой буддийских заклинаний китайские буддисты нередко допускали ошибки, ведущие даже к искажению изначального смысла текста, поскольку техника записи, предложенная Амогхаваджрой, бережно передавалась из поколения в поколение, но знание санскритских оригиналов к тому времени была уже в целом утрачено. Стоит отметить, что в качестве письма, на котором фиксировались подобного рода реконструкции, использовалось сиддхам, активно использовавшееся приблизительно с VI в. как декоративное (каллиграфическое) письмо в Китае и, позднее, в Японии.

Тангутские рукописи и ксилографы, содержащие записанные индийским письмом буддийские заклинания-дхарани, издавались различными способами. Самыми распространенными были такие типы брошюровки, как книга-«гармоника» и книга-«бабочка». Однако среди буддийских памятников индийской письменности, обнаруженных в Хара-Хото, встречаются также достаточно широкие (порядка 60 см × 30 см) одиночные листы (вряд ли здесь уместно современное слово «постеры»), где текст заклинания сопровождается соответствующая иконография. Скорее всего, они служили объектом поклонения, неким «аналогом» иконы, поскольку, надо полагать, размер этих листов затруднял частое их использование в повседневной жизни.

Подобные «постеры» оформлялись либо как гравюры на дереве, либо как ксилографы на бумаге¹¹. Анализ заклинаний, зафиксированных на подобных широкоформатных листах позволяет судить о том, что базовыми источниками для создания этих гравюр и ксилографов служили тексты тибето-буддийской традиции. Среди подобных памятников встречаются, например, ксилографы, где присутствует текст на сиддхам, его фонетическая транскрипция китайской иероглификой, а иконография соответствует тибетской религиозной традиции¹².

Но подавляющее большинство письменных памятников буддизма тангутов, зафиксированных индийскими письменами, сброшюрованы, как упоминалось выше, «гармоникой» и «бабочкой».

Способ брошюровки книгой-гармоникой, пришедшей на смену традиционному свитку, был заимствован тангутами у китайцев. Некоторое неудобство использования свитка заключалось в том, чтобы прочитать фрагмент в середине или в конце текста, приходилось полностью разворачивать весь свиток, длина которого могла достигать тридцати метров¹³. Книга-гармоника представляла собой ленту из склеенных листов одинакового размера, сложенную в виде гармоник, что давало возможность листать такую книгу и без прежних сложностей, как в случае со свитком, находить нужный фрагмент текста.

Брошюровка ксилографов по типу книги-бабочки возник в Китае при династии Сун (960–1279) и также была перенята тангутами. В этом случае отпечатанный лист складывается пополам, напоминая крылья бабочки. Сложенные таким образом листы книги фиксируются между собой клеем, который наносится с чистой стороны в области сгиба (корешка) с аналогичной стороной другого листа. Получается, что в книге-бабочке заполненная текстом страница

чередует с пустым разворотом. Необходимо отметить, что клей, использовавшийся в те времена для соединения листов сохраняет свои свойства и по сей день.

Брошюровка книг по принципу гармоник или бабочки как нельзя лучше подходила для тиражирования различного рода буддийских служебников, сборников дхарани, поскольку компактность и удобство их в повседневном использовании делали их незаменимыми при вербальном сопровождении буддийских ритуалов.

Материалом для подобных сводов заклинаний, предназначенных для бесплатной раздачи, служила дешевая бумага белого цвета, мягкая на ощупь и пористая по своей структуре. Такой сорт бумаги использовался в тангутском государстве также для ведения текущей документации, не предназначенной для длительного хранения. В такой бумаге могут быть легко заметны волокна и сгустки материала (как правило, измельченного льняного или хлопчатобумажного тряпья), служившего основой для создания бумаги в Западном Ся¹⁴.

Буддийские дхарани играли важную роль в религиозной и социальной жизни Западного Ся. Существовал список текстов, знание которых вменялось в обязанность тангутским чиновникам, претендующим на тот или иной государственный пост¹⁵. Среди таких обязательных к освоению текстов фигурировали заклинания, обращенные к бодхисаттве Авалокитешваре, дхарани, носящая название «Всепобеждающая [дхарани] о макушке Будды» (санскр. Ушнишавиджая-дхарани) и так называемое «Словословие Шакьямуни» (санскр. Мунидра-хридаямантра).

Среди заклинаний, посвященных бодхисаттве Великого сострадания – Авалокитешваре, наиболее популярное – «Дхарани, [обращенное к] Синешемму» (Нилакантха-дхарани; другое название – «Заклинание Великого сострадания», Махакаруна-дхарани). В этом «необычном» эпитете наилучшим образом отражена непрерывная преемственность индийской культурной традиции – от ведийского периода до буддизма. Во многих текстах ортодоксальной индийской традиции отражен сюжет о знаменитом Пахтании молочного океана, когда боги и демоны сообща творили мир. Внезапно на поверхность вод всплыл ял **калакута**, грозивший погубить все живое. Шива, испытывая сострадание ко всему живому, согласился выпить яд, отчего шея его посинела.

Помимо означенных заклинаний, среди тангутов большой популярностью пользовались дхарани, обращенные к буддийскому божеству «Владычица [сакрального] знания, [именуемая]

„Великая заступница“» (санскр. Махапратисара-видьяраджни) – центральное божество культа «Пяти защит», дарующее избавление от болезней, долголетие и устраняет все преграды на пути к Просветлению. Тексты, посвященные Махапратисаре, входят в состав цикла «Пять защит» (Панчаракша), принадлежащего к так называемым **крिया-тантрам**¹⁶ буддизма Ваджраяны.

Бесспорно, тангутские буддисты перевели священные тексты не только с китайского или тибетского языков, но также и непосредственно с санскрита – языка индийской письменной культуры, которая, пусть даже и опосредованно, через культурные традиции сопредельных Западного Ся земель – Тибета и, главным образом, Китая – оказала огромное влияние на мировоззрение тангутов. Буддийская культура настолько прочно укоренилась в идеологии Си Ся, что тангутские буддийские тексты, в частности, заклипания-дхарани, подчас содержат фрагменты, отсутствующие в китайских и тибетских версиях аналогичных произведений, определяя тем самым своеобразие тангутской религиозной письменной культуры.

Примечания

¹ Субурган (бурят.) – видоизмененное с монг. суварган – буддийское культовое сооружение, как правило, реликварий (санскр. ступа – букв. вершина, макушка).

² См.: Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. С. 460.

³ Цит. по: Там же. С. 461.

⁴ См.: Там же. С. 600–601.

⁵ О письме сиддхам см.: Маранджян К. Г. Письмен-

ность «сиддхам» // Японская мозаика: сб. ст. памяти проф. В. Н. Горегляда / сост. А. М. Кабанов, К. Г. Маранджян. СПб.: Гиперион, 2009. С. 135–147; Salomon R. Indian Epigraphy. New York: Oxford Univ. Press, 1998. С. 39–40; Vasishtha R. K. Brāhmī Script: its Palaeography, from Third century of A. D. to Six century of A. D. Delhi, 2001. С. 139–142.

⁶ См.: Бируни А. Индия: пер. с араб. Репринт с изд. 1963 г. М.: Ладомир, 1995. С. 176.

⁷ См.: The Taisho Shinshu Daizokyo: the tripitaka in Chinese / revised, collected, added and rearranged together with original treatises by Chinese, Korean and Japanese authors; ed. by Prof. Dr. J. Takakusu, Prof. Dr. K. Watanabe. Tokyo, 1965. Vol. 18. 785 p.

⁸ См.: Chou Hsiang-kuang: a history of Chinese Buddhism. Allahabad, 1956. P. 154.

⁹ См.: Gulik van R. H. Siddham: an essay on the history of Sanskrit studies in China and Japan. Delhi, 1956. P. 49.

¹⁰ См.: Ленков П. Д. Распространение буддизма в Китае // Введение в буддизм. СПб.: Лань, 1999. С. 267.

¹¹ См.: Самосюк К. Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото, XII–XV вв.: между Китаем и Тибетом / коллекция П. К. Козлова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 293–295.

¹² См.: Там же. С. 295.

¹³ См.: Кычанов Е. И. Тангутская рукописная книга, вторая половина XII – первая четверть XIII в. // Рукописная книга в культуре Востока: очерки. М.: Гл. ред. вост. лит., 1988. Кн. 2. С. 386.

¹⁴ См.: Там же. С. 380.

¹⁵ См.: Кычанов Е. И. История тангутского государства. С. 625.

¹⁶ Практика крिया-тантр (от санскр. глагол. корня kṛ – «делать, выполнять, исполнять») заключается в совершении определенных ритуалов, призванных обеспечить религиозную чистоту тела, речи, сознания с целью обретения финального освобождения.